

Ю. В. Писная*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***ФЕНОМЕН СУИЦИДА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЙ
В.С. СОЛОВЬЕВА И Н.А. БЕРДЯЕВА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ****Проанализированы взгляды на проблему самоубийства В. Соловьева и Н. Бердяева методом компаративного анализа.***Ключевые слова:* самоубийство, эгоизм, человек, жизнь, любовь, сила воли, противоречие, свобода.

Проблема самоубийства не оставила равнодушным великого русского религиозного мыслителя В. Соловьева, который, по справедливому замечанию А. Гулыги, есть «первый русский профессиональный философ, значение которого вышло за пределы России» [2, с. 127]. Общеизвестно, что именно он заложил основы академической философской традиции в России.

В центре внимания В. Соловьева оказывается сама жизнь, ее преобразование на нравственных началах. Кроме того, его особое внимание привлекает и проблема человека. К тому же, в целом, тема о человеке – это русская тема. И Н. Бердяев, и В. Соловьев с особенным вниманием и трепетом относятся к русскому человеку, его судьбе, положению в мире, предназначению.

Вокруг антропологических взглядов мыслителей строятся их философские концепции. Следует отметить, что и проблема суицида в творчестве обоих мыслителей находит отклик, что, в частности, можно объяснить особенностями эпохи. Взгляды В. Соловьева на проблему самоубийства носят хоть и фрагментарный, но весьма емкий характер. Н. Бердяев же посвятил этой проблеме целый философский этюд.

Целью данного исследования является компаративный анализ взглядов на феномен самоубийства выдающихся русских мыслителей – Н. Бердяева и В. Соловьева.

Исследуя феномен суицида в творчестве Н. Бердяева и В. Соловьева посредством компаративного анализа, особое внимание следует уделить таким аспектам, как:

1) проблема свободы воли и необходимости в контексте изучения феномена суицида;

2) внешние и внутренние противоречия феномена суицида;

3) сущность эгоистических установок суицидента;

4) животворящая сила любви, способная преодолеть эгоизм.

Анализ феномена суицида с учетом выделенных пунктов открывает перспективы выявления ключевых аспектов изучаемого явления, дает, в конечном итоге, возможность определения общего и отличного во взглядах на суицид двух великих русских религиозных мыслителей. В свою очередь, отмеченные выше аспекты являются задачами исследования, рассмотрение которых позволит в конечном итоге достигнуть цель исследования и сформулировать выводы.

Базой для данного исследования послужили работы Н. Бердяева «О самоубийстве», В. Соловьева «Смысл любви» и «Оправдание добра».

Проанализируем каждый из выделенных аспектов.

Проблема свободы воли и необходимости в контексте изучения феномена суицида.

Осмысляя суть человека, его нравственные основания, действия в связи с особенностью революционной эпохи, попытками русского человека переделывать и претворять общественный строй, В. Соловьев отмечал: «Человек, который на своем нравственном недуге, на своей злобе и безумии основывает свое право действовать и переделывать мир по-своему, такой человек, каковы бы ни были его внешняя судьба и дела, по самому существу своему есть убийца; он неизбежно будет насильствовать и губить других и сам неизбежно погибнет от насилия. Он считает себя сильным, но он во власти чужих сил; он гордится своею свободою, но он раб внешности и случайности. Такой человек не исцелится, пока не сделает первого шага к спасению» [4, с. 311].

В свою очередь, Н. Бердяев справедливо отмечал: «Самоубийца же не знает свободы, он не победил мир, а побежден миром» [1, с. 90], тем самым отказывая самоубийце в претензиях на свободу его действий. Не в прямом, разумеется, смысле (физически человек способен совершить как самоубийство, так и убийство), а в смысле метафизическом. Человек посредством суицидального акта часто пытается выразить собственную свободу, показать окружающим и себе самому, что он волен распоряжаться собственной жизнью и управлять собственной судьбой, а соответственно и судьбой и жизнью других людей. Ярким примером этого выступает образ Кириллова у Ф. Достоевского.

Особое значение здесь приобретает попытка человека самоутвердиться, представить себя в положении «над миром». В данном контексте В. Соловьев отметил следующее: «Перед этой внешней действительностью, которая рано или поздно превратит мое божество в блюдо для червей – таких же богов для себя, – перед этой внешней действительностью мое самоутверждение абсолютно бессильно. Единственным средством сохранить мое самоутверждение против естественного закона, мою независимость от него, является самоубийство. Но тут уже самоутверждение равняется самоотрицанию, да и независимость тут только призрачная, ибо я не могу уничтожить себя одним свободным актом своей воли: мое решение всегда физически обусловлено и исполнение его также» [4, с. 98].

Человек нуждается в спасении, и В. Соловьев понимал спасение как особого рода направленность человека, стремление. При этом русский религиозный мыслитель считал, что «первый шаг к спасению для нас – почувствовать свое бессилие и свою неволю, кто вполне это почувствует, то уже не будет убийцею; но если он остановится на этом чувстве своего бессилия и неволи, то он придет к самоубийству» [4, с. 311]. В пределах данного рассуждения становится ясно, что в сущности своей амбивалентное единство осознания силы и бессилия человека есть предпосылка к совершению суицида. В. Соловьев дает человеку надежду на спасение лишь посредством осознания собственного бессилия. Отметим, что осознание собственного бессилия скорее компенсирует иллюзию человека о вседозволенности, что страхует его от деструктивных действий. Опасность кроется для человека и в сосредоточенности на собственном бессилии, поскольку в таком состоянии человек не может найти оправдания для собственной жизни. В свою очередь, В. Соловьев отмечает: «Самоубийство – насилие над собою – есть уже нечто более свободное, чем насилие над другими. Сознвая свою несостоятельность, человек тем самым становится выше этой своей несостоятельности, и, произнося себе смертный приговор, он не только страдает как подсудимый, но и действует властно, как верховный судия» [4, с. 311].

Самоубийство как добровольное лишение себя жизни выступает актом свободной воли: например, осознав собственные пороки, человек стремится совершить суд над самим собой. Посредством самоубийства человек утверждает в собственных силах и свободе, преодолевая идею Бога. В этом-то и кроется иллюзия самоубийства: с одной стороны, предельно ясно, что высшую ценность с позиций нравственности приобретает аспект осознания самоубийцей собственных пороков и его стремление «наказать» себя. С другой стороны, с позиций аксиологии данное предположение невозможно подтвердить, в связи с чем, В. Соловьев отметил относительно самоубийцы: «Но и здесь его суд несправедлив» [4, с. 311]. С точки зрения мыслителя, даже понимание самоубийства как акта собственного самонаказания человека за свои проступки и преступления не позволяет оценивать его позитивно. Ведь речь идет не просто об осознании человеком собственной вины, о раскаянии; речь идет о новой неисчерпаемой вине, состоящей в добровольном, осознанном лишении себя жизни. Суицидент полностью поглощен неверием, и именно в этом его вина. По этому поводу В. Соловьев непосредственно отмечал: «Сознавая свой недуг, он не верит в исцеление и потому приобретенную тем сознанием силу и свободу может употребить только на самоуничтожение» [4, с. 311].

Неверие человека приводит к утверждению в нем отрицания, на определенном этапе рефлексии трансформирующееся в самоотрицание.

Таким образом, самоубийство как лишение себя жизни выступает актом свободной воли. Осознав собственные пороки, человек вершит суд над самим собою путем самоубийства; этим же путем человек самоутверждается в собственных силах и свободе, преодолевая идею Бога. Однако в каждом случае выход в виде самоубийства является иллюзорным, и иллюзия эта состоит в том, что суицидент не побеждает мир, а наоборот, побеждается миром.

Внешние и внутренние противоречия феномена суицида.

Явление самоубийства сосредотачивает в себе ряд противоречий. Так, В. Соловьев отмечал, что «в решении на самоубийство есть внутреннее противоречие! Это решение исходит из сознания своего бессилия и неволи; между тем самое самоубийство есть уже некоторый акт силы и свободы» [4, с. 312]. Как видим, мыслитель акцентировал внимание на внутренней противоречивости, таящейся в самоубийстве.

В свою очередь, Н. Бердяев делал акцент на противоречивости, проявляющейся во внешних оценках явления суицида, констатируя при этом, что «сам человек, покончивший с собой, вызывает к себе глубокую жалость, сострадание к пережитой им муке. Но сам факт самоубийства вызывает ужас, осуждение как грех и даже как преступление» [1, с. 95].

С позиции В. Соловьева, факт совершения самоубийства заключает в себе волевое действие человека. Так или иначе, следует отметить, что в суицидальном решении человека все же присутствует сила воли и энергия, дабы совершить столь серьезное деструктивное действие с собственной жизнью, телом. Ведь по большому счету в человеке, решившемся на самоубийство, присутствует достаточно мощный импульс для того, чтобы совершать подобное действие. Именно в связи с этим В. Соловьев задается чрезвычайно серьезным вопросом о том, «почему же этою силою и свободой не воспользоваться для жизни?» [4, с. 312]. Таким образом, осмысление наличия в суициденте силы и бессилия рождает специфический парадокс, своеобразный абсурд, отражающий специфику суицидального мышления.

Важно отметить, что В. Соловьев акцентировал внимание на возможности изменения направленности мыслей суицидента, следствием которого выступает решение остаться жить. Философ стремился показать и указать на то, что силы и воля у человека с суицидальными наклонностями и тенденциями еще есть, и их важно направить в жизнеутверждающее русло. Иными словами, мыслитель пытался «спасти» суицидента, обосновав его жизнеутверждающее решение наличием волевой энергии, которая может быть направлена в конструктивное русло.

При этом отметим, что если В. Соловьев признает в самоубийце наличие определенной доли силы, то для Н. Бердяева, наоборот, совершение самоубийства есть проявление слабости человека, а никак не силы воли: «Самоубийство есть также проявление малодушия, отказ проявить духовную силу и выдержать испытание, оно есть измена жизни и ее Творцу» [1, с. 87].

Кроме того, Н. Бердяев справедливо отмечал, что самоубийца вызывает сочувствие и сострадание. Но – лишь самоубийца, как отдельно взятый человек, а не самоубийство как явление: «Можно сочувствовать самоубийце, но нельзя сочувствовать самоубийству» [1, с. 104]. Это объясняется тем, что само явление суицида вызывает жуткие ощущения, поскольку оно является чем-то совершенно необъяснимым с позиции биологических законов жизни, противореча инстинкту самосохранения, присущему всему живому. Кроме того, суицид есть отрицание Бога, как творца и властителя человека. Таким образом, Н. Бердяев резюмирует сущность суицида как «нарушение божеских и человеческих законов, как насилие не только над жизнью, но и над смертью» [1, с. 106].

Следовательно, отметим, что относительно внутренних противоречий, которые свойственны самоубийству, В. Соловьев отметил, что сила и свобода, в некоторой мере, присущие самоубийцам, уравниваются в то же время диаметрально противоположными их качествами – бессилием и неволей. Что касается Н. Бердяева, то относительно внешних противоречий, присущих самоубийству, он отметил, что данный феномен одновременно вызывает в людях жалость, осуждение и ужас, панический страх.

Таким образом, волевой импульс, который актуализируется в суицидальном акте, необходимо было бы направить на преодоление жизненных трудностей, и именно это бы придало величия человеку, который продолжив жизнь, не нарушил бы ни одного закона (ни человеческого, ни божественного).

Сущность эгоистических установок суицидента.

Как справедливо отмечал Н. Бердяев, проблема самоубийства коренится в закупоренности и сконцентрированности «Я» в самом себе, что сложно преодолеть. В данной ситуации единственным выходом является убийство себя, то есть выход из собственного «Я», что предполагает, добавим, открытость миру. Заикленность на себе и своих проблемах не дает человеку увидеть иные измерения, взглянуть на мир по-другому, обратив внимание на страдания и нужды близких ему людей. Здесь речь идет о суженности человеческого сознания, охваченного суицидальными тенденциями. Весь мир для такого сознания концентрируется в одной единственной точке, которой является сам суицидент, страдающий непомерно, сверх силы (на этом явлении в частности акцентировал внимание известный суицидолог Э. Шнейдман). Отмеченная заикленность на себе позволила Н. Бердяеву определить самоубийцу как эгоцентрика, причем, с его точки зрения, таковым он является всегда.

Оперирование понятиями «открытость» и «закрытость» («заикленность») приводит к необходимости рассмотрения вопроса о соотношении таких диаметрально противоположных по своей сути феноменов, как самоубийство и самопожертвование.

Согласно Н. Бердяеву, самоубийца – человек, который не способен жертвовать собой во имя других или какой-либо идеи, поэтому он не может пожертвовать и своей жизнью, как не может этого сделать эгоист. При этом Н. Бердяев подчеркивает, что сущность самого самоубийства эгоистична.

Отметим, что на эгоистической сущности самоубийства акцентировал внимание и Э. Дюркгейм. Эгоистическое самоубийство определялось мыслителем как намеренный разрыв человеком своих социальных связей.

Если бы человек, который решился покончить с собой, был еще способен на жертву, то он остался бы жить, он совершил бы, таким образом, жертву, принимая тяготы жизни. Если бы самоубийца в роковую минуту подумал о других – самоубийство бы не свершилось!

Прежде всего, следует отметить необходимость преодоления эгоизма в человеке, поскольку лишь заботясь о близком и окружающем человек способен осознать значимость и ценность собственной жизни для гармоничной жизни других.

По словам Н. Бердяева, «преодолеть волю к самоубийству значит забыть о себе, преодолеть эгоцентризм, замкнутость в себе, подумать о других и другом, взглянуть на Божий мир, на звездное небо, на страдания других людей и на их радости. Победить волю к самоубийству значит перестать думать главным образом о себе и о своем» [1, с. 78]. Действительно, не думая о других, самоубийца, например, не задумывается о том, какой заразительный пример он подает людям, оказавшимся в не менее сложной ситуации.

В связи с вышеизложенным отметим, что самоубийство, по сути, будучи явлением индивидуальным, в русской эмиграции приобрело социальную окраску. Так, Н. Бердяев констатировал: «Самоубийство бывает заразительно и человек, убивающий себя, совершает социальный акт, толкает других на тот же путь, создает психическую атмосферу разложения и упадка» [1, с. 84]. В действительности, самоубийца своим поступком подает социальный пример – некий образец поведения для других, которые, быть может, и задумывались о подобных действиях, но не решались на них (вспомним так называемый «эффект Вертера», детерминировавший целую волну самоубийств, последовавших за выходом романа И.-В. Гете «Страдания юного Вертера»).

Дело в том, что реально совершенное самоубийство подталкивает остальных, показывает выход из сложившейся тягостной ситуации, ложный на самом деле. Н. Бердяев отмечал: «Самоубийца вызывает роковую решимость и в других, он сеет смерть» [1, с. 75]. В самом деле, самоубийство как явление индивидуальное

составляет трагическую проблему как для человечества, так и для общества. При этом коллективные самоубийства гласят об упадке и полнейшем разладе и могут приобретать характер эпидемии, средства борьбы с которой неизвестны. Более того, каждый отдельный случай и вовсе имеет свои особенности и поэтому требует соответствующих подходов к рассмотрению и решению данной проблемы. Так, мыслитель замечает, что в русской эмиграции данный феномен приобрел социальную окраску, и для самоубийства создалась «благоприятная коллективная атмосфера» [1, с. 77]. В связи с этим каждый отдельный суицидент несет ответственность за создание собственным примером атмосферы разложения, упадка и пессимизма, за представление и демонстрацию обществу, Другим собственного пагубного поступка как выхода и за его возможные последствия. Но суть эгоизма в данном случае в том и заключается, что человек концентрируется на себе самом, на сути своей проблемы, где нет места другим, Другому, нет места Богу, миру. Подобная самоконцентрация, как правило, приобретает характер эгоистической самососредоточенности, для которой не существует ценностей.

Как справедливо отмечал, в свою очередь, В. Соловьев: «Последнее дело безбожного человека есть убийство или самоубийство. Только отказавшись от своего ложного положения, от своей безумной сосредоточенности в себе, от своего злого одиночества, только связав себя с богом в Христе и с Миром в Церкви, можем мы делать настоящее Божье дело – то, что Достоевский назвал православным делом» [4, с. 315]. Таким образом, эгоистическую сущность человека мыслитель усматривает в «безумной сосредоточенности в себе». Преодоление эгоизма, по мнению В. Соловьева, возможно лишь посредством любви, роль и сущность которой более детально будет освещена в следующем пункте.

Животворящая сила любви как преодоление эгоизма.

Для преодоления в человеке столь пагубного и негативного явления, как эгоизм, Н. Бердяев предлагает осмыслить суть «себялюбия» по-иному, при этом, отмечает русский религиозный мыслитель, от любви к себе отказаться полностью нельзя, поскольку это, в свою очередь, может привести к отрицанию себя, а соответственно – и к суициду.

Так, Н. Бердяев отмечает: «Человек должен любить себя как Божие творение, и слишком большая нелюбовь и небрежение к себе, обычно сопровождающиеся корчами самолюбия (самолюбие не есть любовь к себе в должном смысле слова, наоборот) есть греховное состояние, отрицание Божьего творения, Божьего образа и подобия, Божьей идеи. Сказано: «люби ближнего, как самого себя». А это предполагает и любовь к себе, которая совсем не есть эгоизм» [1, с. 91]. Соответственно, без такой любви к себе была бы невозможна жертва, любовь к ближнему. Таким образом, когда человек не имеет к себе чувства любви, он начинает ненавидеть себя, тем самым ненавидя и все вокруг, весь мир и других людей. Именно поэтому, с точки зрения Н. Бердяева, «в самоубийстве присутствует эгоизм и эгоцентризм, самопогруженность и самопоглощенность и отсутствует нормальная любовь к себе, как к принадлежащему Богу существу» [1, с. 94].

Размышляя о причинах самоубийств, Н. Бердяев называет разные, среди которых определенное место отводится и любви, что вместе с красотой есть страшная, амбивалентная по своей сути сила, на чем в свое время акцентировал внимание Ф. Достоевский. В свою очередь, Н. Бердяев констатировал: «Люди убивают себя от несчастной любви, от сильной страсти или от несчастной семейной жизни; убивают себя от потери вкуса к жизни, от бессилия; убивают от позора и потери чести; от потери состояния и нужды; убивают себя, чтобы избежать измены и предательства; убивают от безнадежной болезни и страха страданий» [1, с. 89].

Как видим, в качестве одного из суицидальных мотивов Н. Бердяев выделяет сильные страсти, которые, с его точки зрения, порождают непреодолимые конфликты в жизни человека, при этом нередко приводя к самоубийству:

- 1) любовь к женщине;
- 2) страсть к наживе;
- 3) чувство мести;

- 4) похоть власти;
- 5) азартная игра;
- 6) ревность;
- 7) гнев.

Таким образом, подводя итоги, отметим, что в данном исследовании проведен компаративный анализ взглядов двух выдающихся мыслителей В. С. Соловьева и Н. Бердяева на феномен самоубийства. Отмеченное сопоставление происходило в пределах общих для философских учений и В. Соловьева, и Н. Бердяева четырех аспектов – это: 1) проблема свободы воли и необходимости; 2) внешние и внутренние противоречия феномена суицида; 3) сущность эгоистичных установок суицидента; 4) животворная сила любви, как преодоление эгоизма. Исследование каждого из аспектов позволило сделать следующие выводы.

1. Самоубийство, как лишение себя жизни, выступает в качестве акта свободной воли: осознав собственные пороки, человек вершит суд над собой, путем самоубийства, утверждаясь в собственных силах и свободе, преодолевая идею Бога. В этом-то и кроется иллюзия самоубийства, при котором человек не побеждает мир, а побеждается им.

2. Во-первых, относительно внутренних противоречий, свойственных самоубийству, В. Соловьев отметил, что сила и свобода, в определенной степени присущие самоубийцам, уравниваются в то же время диаметрально противоположными их качествами – бессилием и неволей. Во-вторых, Н. Бердяев относительно внешних противоречий, свойственных самоубийству, отметил, что этот феномен одновременно вызывает в людях жалость и осуждение, ужас. Таким образом, волевой импульс, который реализуется в суицидальном акте, следовало бы направить на преодоление жизненных трудностей, и именно это предало бы величия человеку, который бы, продолжив жить, не нарушил никаких законов (ни человеческих, ни божьих).

3. Н. Бердяев акцентировал внимание на том, что проблема самоубийцы кроется в сконцентрированности его «Я» в самом себе. И самоубийство являет собой единственный выход из собственного замкнутого «Я», характерным признаком которого служит суженое человеческое сознание, охваченное суицидальными тенденциями. Весь мир для такого сознания концентрируется в единственной точке, которая олицетворяет собственную боль и страдание. Такой взгляд на суицидента позволил Н. Бердяеву определить самоубийцу как эгоцентрика, который в силу своего эгоцентризма не способен жертвовать собой и соответственно – своей жизнью. В свою очередь, В. Соловьев основные признаки самоубийцы, как и Н. Бердяев, видел в его сосредоточенности в себе, в его злом одиночестве. Главное же, что оба мыслителя акцентировали внимание на необходимости преодоления эгоизма, как единственного выхода для спасения суицидента. Для этого мыслители считали необходимым раскрытие замкнутого Я на встречу Богу, другим людям, что возможно на пути любви.

4. Признавая в определенных ситуациях трагичность Эроса, оба мыслителя акцентировали внимание на спасительной для человека любви к Другим, в которой преодолевается эгоизм и приобретает возможность потенция жизни. Смысл же любви следует видеть в создании нового человека, что необходимо понимать как в прямом смысле (идет речь о продолжении человеческого рода), так и в переносном (идет речь о рождении нового духовного образа). При этом следует отметить, что оба русских мыслителя чрезвычайной значимости в контексте исследования феномена суицида предоставляли вере и религии, которые способны предоставить человеку настоящее спасение.

Перспективы. Данная статья выступает основой для дальнейшего исследования феномена суицида.

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н. А. О самоубийстве / Н. А. Бердяев // Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. – М. :

Когито-Центр, 2001. – С. 89–112.

2. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы / А. В. Гулыга. — М. : Изд-во Эксмо, 2003. – 448 с.

3. Осетрова О. А. Феномен суицида в истории западноевропейской философии: Монография / О. А. Осетрова. – К. : Вища освіта, 2007. – 351 с.

4. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. / В. С. Соловьев / ред совет : В. С. Степин, С. С. Аверинцев, Г. А. Ашуров и др. – М. : Правда, 1989. – Т. 1–2.

Пісна Ю. В. Феномен суїциду в контексті філософського вчення В. С. Соловйова і Н. А. Бердяєва: компаративний аналіз.

Проаналізовано погляди на проблему самогубства В. Соловйова та М. Бердяєва шляхом компаративного аналізу.

Ключові слова: самогубство, егоїзм, людина, життя, любов, сила волі, суперечність, свобода.

Pisna Yu. The phenomenon of suicide in the context of philosophical doctrines of V. Soloviev and N. Berdyaev: the comparative analysis.

In this research the comparative analysis of the views of two eminent thinkers V. Solovyov and Berdyaev on the phenomenon of suicide is held. Marked comparison occurred within common philosophies both of Vladimir Soloviev and Berdyaev in four aspects: 1) the problem of free will and necessity, 2) external and internal contradictions of the phenomenon of suicide, and 3) the nature of selfish plants suicides, 4) life-giving the power of love, as the overcoming of selfishness. The study of each aspect led to the following conclusions.

1. Suicide as depriving yourself of life serves as an act of free will: realizing their own vices, a man holds court on himself, by committing suicide, claiming in their own abilities and freedom, overcoming the idea of God. In this lies the illusion of suicide in which a person does not win the world and conquered the world.

2. First, regarding the internal contradictions inherent in suicide, Soloviev said that the power and freedom, to some extent inherent in suicides are balanced at the same time, their diametrically opposite qualities - impotence and bondage. Second, Berdyaev concerning external contradictions inherent in suicide, noted that this phenomenon is at the same time in people pity and condemnation, the horror. Thus, volitional impulse, which is implemented in suicidal act, should be sent to overcome the difficulties of life, and that is what would have betrayed the greatness of the man who would continue to live, do not break any laws (or men, or of God).

3. Berdyaev focused on the fact that the problem of suicide lies in its most concentrated «I» in itself. And suicide is the only way out of their own closed «I», a characteristic feature of which is the narrowing of the human mind that is the subject suicidal tendencies. The whole world for such a consciousness is concentrated at a single point that represents their own pain and suffering. This view of the suicides allowed N. Berdyaev define suicide as egocentric, which by virtue of their self-centeredness can not sacrifice, respectively - with their lives. In turn, Vladimir Solovyov main features of suicide as Berdyaev, seen in its focus in itself, in its evil alone. The main thing is that both thinkers have focused on the need to overcome selfishness, as the only way to save the suicides. To do this, thinkers felt the need to disclose to the meeting closed I God, to others that it is possible in the way of love.

4. Recognizing, in certain situations, the tragedy of Eros, both thinkers have focused on saving for the love of another person, which is overcome by self-interest and the opportunity to acquire the potency of life. The meaning of love is to be seen in the creation of the new man, which must be understood in the literal sense (refers to the continuation of the human race) and figurative (refers to the birth of a new spiritual way). It should be noted that both the Russian thinker extraordinary significance in the context of the study of the phenomenon of suicide provided the faith and religion that can give a person a real salvation.

Keywords: suicide, egoism, man, life, love, will-power, contradiction, freedom.

Надійшла до редколегії 26.01.2013 р.

УДК 87.21

В. И. Пронякин, Р. А. Евтушенко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА К.-О. АПЕЛЯ В ИНТЕРАКТИВНОМ ПОЛЕ КОММУНИКАТИВНОГО СООБЩЕСТВА

Исследуется трансцендентально-прагматическая теория К.-О. Апеля как попытка трансформации неклассической трансцендентальной философии субъективности в постнеклассическую трансцендентальную философию intersубъективности.

Ключевые слова: трансцендентальная прагматика, субъективность, intersубъективность.